

ББК Ш5(2=Р)6–4
УДК 821.161.1

М.Л. Бедрикова
кандидат филологических наук, доцент
(Магнитогорск)

ПРИНЦИПЫ ПОЭТИКИ Н. РУБЦОВА И ПОЭТИКА
«ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ»:
«ПРОРЫВЫ В ГЛУБИНЫ ПРИРОДЫ И ДУХА»

Статья посвящена проблемам изучения творчества Н.°Рубцова: исследованию поэтики, в аспекте выявления «стилевой интенции» «тихой лирики» и «деревенской прозы» 1960 - 1970- х гг.

Ключевые слова: Н. Рубцов, судьба поэта, поэтика, элегия, «тихая лирика», «деревенская проза»

Исследование индивидуальных стилевых систем, поэтики литературных течений второй половины XX в. является актуальным для современного литературоведения. Важнейший аспект – установление типологической общности жанрово-стилевых «потоков». Выявить закономерности, тенденции литературного развития позволяет обнаружение стилового «единства», общности «на уровне мироощущения и мироотношения» художников слова [5, 717]. В°литературе 1960-1980- х гг. возникает «новый тип художественной мотивировки» в изображении человека и мира: «новый тип родовой человеческой и <...> экологической мотивировки» [5, 13].

Указывая на стиловое родство «деревенской прозы» и «тихой лирики», литературоведы заявляют о некоем широком стиловом явлении – «стилевой интенции» [7, 97]. Несмотря на родовое различие, «тихую лирику» (поэзию Н.°Рубцова, В. Соколова, Н. Тряпкина, А.°Прасолова, А. Жигулина) и «деревенскую прозу» объединяет материал – изображение «малой родины», деревенского мира в его современном состоянии и принципы создания художественных образов (в том числе, композиционные «метажанровые», которые проявляются в характерных для «деревенской прозы» жанровых формах) [7, 96-97].

В ряду «оснований» для сопоставления двух течений литературоведы определяют важнейшее – ключевую интонацию произведений поэтов и прозаиков: элегическую, «тревожно-печальную, взыскующую» [7,°95]. Объективность наблюдений филологов неожиданно подтверждают исследования из других гуманитарных областей. Речь идет о музыковедческих

работах, опубликованных в 2000-е гг. [3]. Так, например, в статье П. Бекедина «Творчество В.И. Белова и В.Г. Распутина в восприятии композитора В.А. Гаврилина» рассматривается не только проза, но и поэзия, посвященная русской деревне. В частности, В. Гаврилин как представитель «почвеннического направления» в музыке интересовался «звучанием» «деревенской прозы». Композитор закономерно проявлял интерес также к поэзии Н. Рубцова, в которой, по его мнению, заключена «огромная духовная сила» («внутри... как у очень зрелого мужа») [3, 79].

Вплотить «огромную духовную силу» в слове способен художник исключительного таланта! Для анализа генетического родства поэзии Н.°Рубцова с «деревенской прозой» недостаточно общих характеристик интонации («элегическая традиция», «тональность – элегическая, тревожно-печальная, взыскующая») [7, 95]. Необходимо конкретизировать художественные принципы поэтики, чтобы понять сложность его стихов, тайны воздействия на читателя рубцовского слога, приемы создания доминирующей элегической «тональности».

В данной статье мы учитываем опыт работ о поэзии Н. Рубцова в отечественном литературоведении последней трети XX – начала XXI вв., в то же время, в соответствии с избранным аспектом анализа, обращаемся к знаковым произведениям поэта, интерпретируем их, характеризуем особенности поэтики.

Критика 1970-х заложила основания для будущих исследований творчества Николая Михайловича Рубцова (1936–1971). В. Кожин предложил следующую периодизацию: «В поэтическом наследии Н.°Рубцова отчетливо различаются ранние (до 1962 г.) и зрелые стихи. Но – и это очень характерно – самые ранние стихи поэта ближе к его зрелой лирике, чем к стихам 1957–1962 гг.» [9, 10]. По мнению литературоведа, только в юношеских и зрелых стихах запечатлен «изначальный слог Николая Рубцова». Исследователь ищет наиболее адекватные характеристики: «Поэзия Н. Рубцова по-своему очень сложна и богата смыслом» [9, 18]. Но в чем состоит «сложность», «богатство смыслом»? В 1970-е гг. критик М. Лобанов подметил главное: «Для Николая Рубцова было характерно такое самоуглубление... Объемность образа и поэтической мысли невозможна при сугубо эмпирическом мирозерцании, она требует прорыва в глубины природы и духа» [9, 16]. В. Кожин утверждал, что рано ушедший поэт «не успел обрести зрелость поэтического стиля» [9, 5]. Для критики 1970-х гг. «формула», заключающая суть поэзии Н. Рубцова, – это «глубина проникновения в жизнь народа, раскрытие народных характеров, народного мирозерцания» [4, 17].

В 1980-е гг. литературоведение накопило огромный опыт изучения рубцовской лирики (работы Ю. Прокушева, А. Михайлова, Л. Аннинского, Ю. Селезнева и др.). Основные направления исследований, казалось бы, охватывали все возможные аспекты анализа: связь рубцовской поэзии «русской философской лирикой XIX – XX вв. (Ф. Тютчев, А. Фет, Е. Баратынский, Н. Некрасов, А. Блок, Н. Заболоцкий, А. Твардовский), крестьянской линией в советской поэзии (С. Есенин, С. Викулов, А. Яшин)» [1, 115]. В «переломный» период 1990-х гг. отечественное литературоведение выходит к новым «горизонтам» осмысления пройденного русской литературой пути. Так, В. Бараков справедливо отвергает однобокий взгляд сквозь «призму народности» и предлагает новый, основания для которого дает, в частности, интонация, тональность стихов. «...Почему столько грусти, отнюдь не светлой, в стихах Николая Рубцова? Почему столько недосказанности и невысказанности? Как определить время поэта Рубцова?.. Может, время стычек «громких» и «тихих» лириков? – Уж, конечно, нет... Ведь он – поэт безвременья. Того духовного безвременья, о котором мы сейчас открыто говорим и пишем» [1, 115–116]. Действительно, боль, отражающая трагическое мироощущение народа, слышна в большинстве стихотворений, например: «Видения на холме», «Зимним вечерком», «Грани», «По дороге из дома», то есть интонацию неточно, упрощенно определять как печальную.

В 2000-е гг. Н. Лейдерман и М. Липовецкий посвящают «тихой лирике» главу вузовского учебника – «Тихая лирика» и «деревенская проза» [6]. В главе о Н. Рубцове авторы поднимают проблему традиций. Рубцовская лирика оказывается вписанной в «пропущенное звено» истории поэзии XX в. – «между Блоком и Есениным», в традицию так называемой «новокрестьянской поэзии», представленной Н. Клюевым и С. Клычковым, то есть в иное, нежели в 1970-е гг., «масштабе». «На наш взгляд, значение поэзии Рубцова и должно оцениваться в масштабе сдвига культурных парадигм, происходившего на рубеже 1960 – 1970-х гг.» [6, 35]. Поэт выступает неким предводителем, за которым последовали «деревенщики», другие «тихие лирики» и многочисленные сторонники «почвеннической идеологии 1970 – 1980-х гг.».

Каково понимание назначения поэзии Н. Рубцовым? Свидетельства находим в его высказываниях о творчестве современницы – Ольги Фокиной. С. Викулов обращает внимание на тезис: «Органичность выражения, сложность и глубина содержания, совершенство и простота формы, – вот те подснежники, которые ищут все поэты...» [4, 17]. Полагаем, очень важен «вектор» развития художественной системы, указанный самим вологодским поэтом.

На протяжении короткого творческого пути стиль Н. Рубцова эволюционировал. По свидетельству литературоведов, «изначальный

М.Л. Бедрикова

рубцовский слог» все же не убывает в «ученический период» жизни, а в «зрелый» звучит явственно, сильно. Это очень важно отметить, чтобы отвести «упреки» критиков в «стилизации». По нашему мнению, ритмика стихов поэта только обогащалась и самобытно развивалась во взаимодействия с ритмическими системами Ф.°Тютчева, А. Фета, Е. Баратынского, Н. Некрасова, А. Блока, С.°Есенина, Н. Заболоцкого, А. Твардовского. Ритмический «след» А.°Твардовского, например, можно услышать в начальной строфе стихотворения «Весна на берегу Бии» (1966):

Сколько сору прибило к березам
Разыгравшейся талой водой!
Трактора, волокуши с навозом,
Жеребята с проезжим обозом,
Гуси, лошади, шар золотой,
Яркий шар восходящего солнца,
Куры, свиньи, коровы, грачи,
Горький пьяница с новым червонцем
У прилавка

И куст под оконцем –
Все купается, тонет, смеется,
Пробираясь в воде и в грязи! [9,127].

Впрочем, уже в следующих строфах, не изображающих крестьянский быт непосредственно, поэт возвращается в «рубцовский слог». Полагаем, ритмические ассоциации с подобными деревенскими зарисовками у других русских поэтов (XIX – XX вв. – П. Ершов, Н.°Некрасов, А. Твардовский) не нарушают органичности текста, не лишают оригинальности стихотворение. Произведение «Весна на берегу Бии» запечатлевает пеструю картину речного перевоза психологически объемно, с особым ритмом – вечного движения жизни, круговерти, радостного весеннего обновления, оживления, человеческой «суеты». Бессоюзие задает узнаваемый ритм, возникающий в русском языке изначально – при перечислении (то есть объективно, без стороннего влияния). Ключевые слова в изображаемой картине весны – «вода» и «грязь» – неизбежные спутники описаний пробуждения природы в стихах Н. Рубцова.

Как осуществляется в стихах поэта его принцип «органичности выражения, сложности и глубины содержания, совершенства и простоты формы»? Обратимся к двум стихотворениям: «В звездную ночь» (1963) и его варианту, известному как «В горнице» (1965). Напомним текст первого произведения:

В горнице моей светло, –
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.

– Матушка, который час?
Что же ты уходишь прочь?
Помнишь ли, в который раз
Светит нам земная ночь?

– Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догнет совсем.

Сколько же в моей дали
Радостей пропало, бед?
Словно бы при мне прошли
Тысячи безвестных лет.

Словно бы я слышу звон
Вымерших пасхальных сел...
Сон, сон, сон
Тихо затуманит все [8,327].

В данном произведении сон об умершей матери наводит лирического героя на мысли о распаде гармонии души и деревенского мира (лада): «Словно бы я слышу звон // Вымерших пасхальных сел...//Сон, сон, сон // Тихо затуманит все» [8,327]. Интонация – горькой печали, острая, «жгучая». В «деревенской прозе» такую боль души можно почувствовать, например, в произведении В. Распутина «Прощание с Матерой» (1976). На рубеже 1960- 1970 – х гг. в прозе В. Распутина еще не сложился образ умирающей деревни, не вышло переживание писателем ее «ухода» как всенародной беды, трагедии. Это проявится только во второй половине 1970- х гг. и в поздней прозе («Видение», «Изба», «На родине» и др.), а также публицистике [2,181].

Следовательно, именно Н. Рубцову было дано «услышать мелодию, которой звучит душа сию минуту» [4, 21]. Оксюморон «вымерших пасхальных» сел подтверждает трактовку стихотворения как серьезного, глубокого по содержанию, наполненного трагическими предчувствиями, которые усиливаются ассоциацией с погребальным «звоном» – плачем по русской деревне. В стихотворении «Грани»

(1966) встречается подобное: «Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы... / Ах, город село таранит!» [8,°121]. Этот драматизм содержания предельно скрыт, «свернут» в стихотворении «В горнице». Лирический герой поднимается над своей болью, восходит к пониманию того, что в мире все преходяще – преходяща и душевная боль. Поэт ищет опору в идее вечности жизни. Огромная сила, заключенная в интонации русской песни, помогает автору и лирическому герою стихотворения «В горнице» преодолеть уныние, безысходную горечь, примириться с судьбой: «Буду поливать цветы, / Думать о своей судьбе, / Буду до ночной звезды / Лодку мастерить себе» [9, 79]. Образ лодки традиционно уподобляется человеческой душе – «лодку мастерить себе» можно интерпретировать: «строить душу» заново после пронесшихся «бед», бесцельно прожитых дней («Тысячи безвестных лет»). Мы не можем принять вывод екатеринбургских литературоведов о том, что «поэтика Рубцова – это по преимуществу поэтика стилизации» и трактовку стихотворения «В°горнице» («клишированные образы», «тривиальность, заезженность мелодического строя») [6, 41]. Полагаем, перемена интонации от трагической («В звездную ночь») к светлой, песенной, элегической («В горнице») глубоко мотивирована – это результат работы над собой, «прорыва в глубины природы и духа» (М.°Лобанов), способ воплощения принципов собственной поэтики.

Вектор развития художественной системы Н. Рубцова – это установка на целостность мировидения. Емкость смысла, особая его концентрация в слове наблюдается в стихотворениях: «Тихая моя родина», «Душа хранит», «В сибирской деревне», «Зимним вечерком», «Дорожная элегия». В 1960-е гг. лирика поэта уже развивалась в новом направлении – «родовой человеческой», «экологической» художественной мотивировки в изображении человека и мира. Общая для течений «тихой лирики» и «деревенской прозы» второй половины 1970-х гг. проблема «экологии души» обнаруживает в поэзии Н.Рубцова онтологический смысл. В свете сказанного по-новому воспринимается идея В. Кожина о «самородности, нерукотворности, безначальности» его стихов: «... мнится, что стихи эти никто не создавал, что поэт только извлек их из вечной жизни родного слова ...» [9, 13]. Работа над стихом для Н. Рубцова предполагала поиск новых художественных возможностей смыслообразования для воплощения цельности мироощущения в слове. Мастерски владея интонацией, поэт добивался совершенства поэтической формы для выражения «сложного», «глубокого» содержания.

Литература

1. Бараков, В.Н. Черты трагического мироощущения народа в поэзии Н. Рубцова / В.Н. Бараков // Проблема характера в литературе (Часть вторая. Русская литература XX в. советская литература). – Челябинск: Челябинский пединститут, 1990. – С. 115–116.
2. Бедрикова, М.Л. Концепт «душа» в поздней прозе и публицистике В. Распутина / М.Л. Бедрикова // Libri Magistri. Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. – 2015. – С. 174–183.
3. Бекедин, П.В. Творчество В.И. Белова и В.Г. Распутина в восприятии композитора В.А. Гаврилина / П.В. Бекедин // Писатели русской традиционной школы второй половины XX в. в контексте современности: Сб. статей / Отв. ред. В.П. Муромский, Ю.А. Дворяшин. – Сургут: РИО СурГПУ, 2009. – С. 74–83.
4. Викулов, С. Подснежники Николая Рубцова / С. Викулов // Рубцов Н. Избранное. – М.: Худож. литература, 1982. – С. 3–22.
5. Волков, И.Ф. Многообразие творческих методов в советской литературе / И.Ф. Волков // Идеино - художественное многообразие советской литературы 60– 80-х гг.: М. : Изд - во МГУ, 1991. – С. 6–13.
6. Лейдерман, Н., Липовецкий, М. «Тихая лирика» и «деревенская проза» / Н. Лейдерман, М. Липовецкий // Современная русская литература: в 3-х кн. – Кн. 2: Семидесятые годы (1968 – 1986). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 33–90.
7. Лейдерман, Н.Л., Скрипова, О.А. и др. Стиль литературного произведения. Теория. Практикум / Н.Л. Лейдерман, О.А. Скрипова // Екатеринбург: Издательство АМБ, 2004. – 182 с.
8. Рубцов, Н.М. Видения на холме: Стихи, переводы, проза, письма / Н.М. Рубцов // М.: Сов. Россия, 1990. – 400 с.
9. Рубцов, Н.М. Стихотворения (1953– 1971) / Н.М. Рубцов // М.: Сов. Россия, 1977. – 240 с.

THE PRINCIPLES OF N. RUBTSOV` POETIC
AND THE“COUNTRY PROSE” POETIC: “THE EXPERIENCE
OF THE KNOWLEDGE OF THE NATURE AND THE SPIRIT”

M. L. Bedrikova

Abstract

The article deals with the poet`s fate of N. Rubtsov, the problems of his poetry from the point of view, identifying possible connections of the “country prose” poetic.

Key words: N. Rubtsov, Poet`s fate, Poetic, Elegy, “The Silent Lyric”, “The Country Prose”